

Дана Рудина

Дина Рубина

Двое на крыше

МОСКВА
2017

УДК 821-161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубина, Дина.

Р 82 Двое на крыше : повести, рассказы / Дина Рубина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Дина Рубина. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-75516-5

Сколько ни живи, никак не избавишься от изумления перед этой самой жизнью. Я не вкладываю в слово «изумление» непременно положительный смысл, наоборот, с годами он становится все более отрицательным. Получается, все, перед чем ты в юности благоговел: искусство, любовь, преданность дружбе... ну, и так далее — по программе внеклассного чтения и опытов первой влюбленности, — все это как бы чертеж, предварительный набросок, по которому твердая рука безжалостной жизни начинает делать пометки и писать на полях скептические, а порой и издевательские примечания. И в конце концов этот чертеж, этот испакощенный листок та же самая рука сминает и выбрасывает в мусорную корзину. Или растапливает им огонек в чужой печке. В сущности, это — правило, за редким исключением...

Но почему тогда бьется и по-прежнему замирает сердце, стоит повеять весне — неважно какой, сорок пятой или семьдесят второй? Почему так дороги чьи-то шаги, уже не очень и твердые? Почему самой большой мечтой человечества является сказка о новой жизни? О новой, несмотря ни на что, совсем новой жизни? Неужели все мы — безнадежные романтики?

Дина Рубина

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75516-5

© Рубина Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Несколько торжественных
слов любви

Софье Шуровской

Альков навсегда останется
самым важным сюжетом лите-
ратуры.

Л. Н. Толстой

Область слепящего света

Она опоздала к открытию международной конференции, о которой должна была дать материал в «Вестник университета». В зале было темно: докладчик показывал слайды, слева от светящегося экрана угадывался смутный силуэт, и голос бубнил — запинаящийся высокий голос легкого заики.

Когда глаза привыкли, она спустилась по боковому проходу к сцене и села в кресло второго ряда.

«Вот, опоздала... — думала она, безуспешно пытаясь вникнуть в какую-то схему на экране, — из выступлений на открытии можно было бы состряпать материал, теперь же придется высидеть несколько докладов вроде этой тягомотины. И где раздобыть программу, чтобы как-то ориентироваться в темах и именах; кто, например, этот зануда?»

Показывая что-то на экране, докладчик слегка подался вправо, и в области света неожиданно возникло лицо, вернее, половина лица, всегда более выразительная, чем банальный фас: высокая скула, правильная дуга брови и одинокий, нацеленный прямо на нее, молящий о чем-то глаз. Несколько секунд рассеянное лицо персонажа мистерии качалось и смотрело, смотрело на нее с пристальной мольбой, затем отпрянуло и погасло...

Этот мгновенный блиц лунного полулица ослепил ее такой вспышкой любовной жалобы, словно

10 ей вдруг показали из-за ширмы того, кого давно потеряла и ждать уже зареклась.

Она отшатнулась и слепыми руками стала ощупывать ручки кресла, будто надеялась ухватить смысл того, что с ней сейчас стряслось. И несколько минут пыталась унять потаенную дрожь колен, бормоча: «Да что это!.. Да что ж это, а?!», пока не поняла, что бессильна, что уже не имеет значения, кто он, чем занят, свободен или нет и куда исчезнет после того, как в зале зажжется свет.

Зажегся свет, объявили перерыв.

Он оказался невысоким неярким человеком средних лет. Все это не имело уже никакого значения, как и ее удивление по поводу его скромной внешности, столь отличной от того трагического полулика, что был предъявлен ей в темноте.

Она подошла туда, где его обступили, уточняя и деспоривая по докладу, коллеги, задала спешно слепленный вопрос. Он рассеянно кивнул ей, договаривая что-то маленькому толстяку аспиранту, и вдруг резко оглянулся, ловя обреченным взглядом ее лицо. Она пошла к выходу, спиной чувствуя, как торопливо складывает он в папку материалы доклада, сыпает слайды в пенал и бросается следом.

И с этой минуты все покатилося симфонической лавиной, сминающей, сметающей на своем пути их прошлые чувства, привязанности и любви — все то, чем набиты заплечные мешки всякой судьбы...

Он нагнал ее в фойе, у гардероба:

— Простите, н-не расслышал ваших...

— Неважно, я только хотела уточнить...

— Позвольте, я п-помогу вам пальто...

— Да не надо, спасибо, нет, постойте, там шарф в рукаве, шарф...

Ее растерянные руки, не попадающие в рукава поданного им пальто, и его беспризорные руки, неловко коснувшиеся (ах, простите! — обморочное оцепенение обоих) ее груди...

Если она не торопится, он мог бы ответить на ее вопрос о...

К сожалению, она торопится, очень, абсолютно неотложное дело: обещала сегодня матери исправить подтекающий кран на даче...

— Кран?! Да я сейчас же... Господи, какие п-пустяки! Я мигом все устрою.

— А у вас есть (робко-счастливо)?..

— Время? Н-ну, сколько это займет?

— Да не меньше двух часов.

— Какие пустяки!

Затем — минут двадцать в тамбуре гремящей электрички: отрывистые, сквозь железнодорожный грохот, возгласы и его глаза с припухшими, словно калмыцкими веками — одуряюще близкие, когда его бросает к ней на стыках рельсов...

Далее — пятнадцатиминутный пробег по обледенелой поселковой дороге к заглохшей на зиму даче, возня с замком, не желающим сдаваться замерзшему ключу в ее пляшущих пальцах, и его прерывистое:

— П-позвольте уж мне... все ж, какой-никакой, мужчина...

Наконец замок побежден, дверь со скрипом отверзлась, они ввалились на застекленную веранду, где немедленно он обнял, как-то по-детски обхватил ее, судорожно всхлипнув...

Ну, и так далее...

Воспользуемся же хрипло задышающейся паузой для краткой биографической справки.

Он: доктор наук, историк, специалист по хазарам, автор двух известных книг, женат, две дочери — семнадцати и двенадцати лет.

Она: журналист, автор сценариев двух никому не известных документальных фильмов, два неудачных брака, детей нет, сыта по горло, оставьте меня в покое...

И как подумаешь — что за радость в этих случайных всплесках незнакомых судеб, в мерзлых, не убранных с лета простынях на дачном топчане, в прикосновениях ледяных пальцев к горячему телу! В нашем

12 возрасте от постельных сцен требуешь наличия по крайней мере приличной постели. Так ведь и простудиться недолго...

Кстати, бешеный подростковый озноб, сотрясавший обоих, был скорее температурного свойства. Выяснилось, что заболели оба — в те дни по Москве гулял заморский вирус.

— Горло сохнет, — сказал он, морщась, — где тут кран?

— На кухне...

Он поднялся, по-старушечьи накинув плед на плечи, побрел в кухню.

— Действительно подтекает! — крикнул оттуда.

После чего кран был забыт навеки и подтекает, вероятно, до сих пор. Вернувшись, минут пять стоял в проеме двери, глядя, как она лежит в бисере пота, в области слепящего зимнего света, бьющего через окна веранды.

Когда спустя часа два наконец оделись и вышли, он сказал:

— Через неделю я уезжаю...

Они стояли на платформе в ожидании электрички. Поодаль прогуливалась пожилая тетка с линялой изжелта болонкой.

— А вернешься когда? — спросила она.

Он хотел ответить «никогда», и, в сущности, это было бы правдой. Но сказал:

— Н-не знаю. Может быть, через год... Я уезжаю всей семьей в Израиль.

Ну да, так она и предполагала.

Да ничего она не предполагала, какого черта! Все это обрушилось на нее сегодня утром, когда она вошла в темный конференц-зал и из-за ширмы судьбы ей показали карнавальное полулицо с прицельным глазом.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он хмуро.

— А вон, ей... — сказала она, — даме с собачкой.

Неделю она провалялась с гриппом. Он, вероятно, тоже. Ну, вот и ладно, и хорошо, прощайте, мое славное приключение!

Когда, по ее расчетам, самолет «Москва — Тель-Авив» должен был уже набрать высоту, зазвонил телефон и его голос торопливо сказал:

— Я из Шереметьева, на м-минутку... Договорился с Юровским, тебя п-пригласят в декабре на конференцию в Иерусалим... Что?! — крикнул. — Н-не слышу! Что ты сказала?!

Тут связь оборвалась, и она заплакала — от счастья.

Спустя несколько недель она вывалилась в аэропорту Бен-Гурион — в расстегнутой дубленке, с мохнатой шапкой в руке — прямо в солнечный средиземноморский декабрь.

Он стоял отдельно от пестро-цыганской толпы встречающих — незнакомый, молодой, в джинсах и какой-то легкомысленной куртке. Стоял поодаль, подняв обе руки, словно сдавался неборимой силе. И когда она приблизилась, медленно опустил руки ей на плечи, ощупывая их, как слепой.

В автобусе они постепенно вспомнили друг друга, он стал оживлен и, спохватываясь, показывал что-то в окне, что, по-видимому, было прекрасным и достойным восхищения, и несколько раз повторял, как все замечательно сложилось — и, главное, конференция именно в Иерусалиме, что позволило ему вырваться из Хайфы на все эти три дня...

— У меня доклад только завтра утром, — добавил он, — а дальше — тишина...

Она жадно смотрела в его шевелящиеся губы, словно боясь пропустить нечто главное, что он сейчас произнесет и тем самым спасет обоих навсегда.

В огромном холле роскошного отеля они получили у портье ключи от номера, затем троекратно отразились в зеркалах скоростного лифта два полуморочных лица, и — на все три дня конференции

14 с неизвестным для нас названием — мы оставим их, беспомощных владык друг друга, разглядывать крыши Иерусалима из-за штор отеля «Холидей-Инн», с высоты двенадцатого этажа...

Лишь однажды он сказал, стоя у окна за ее спиной и наблюдая, как горная ночь по одной, словно свечи, задувает горящие отблеском солнца черепичные крыши:

— Этот город заслужил, чтобы его рассматривали не с такой высоты...

...И три дня спустя они опять стояли в аэропорту Бен-Гурион в ожидании контроля, очень здесь строгого.

— Там восемнадцать м-мороза! — говорил он. — Это безумие — такие перепады температур!

Она стала оправдываться, что иначе шеф ни за что не позволил бы отлучиться, только прицепившись к рутинной командировке, удалось так лихо зарулить сюда. И, бог даст, еще удастся. Когда-нибудь...

— Когда, например?

Никогда, вдруг поняла она. Но сказала легко:

— Ну... в марте, скажем... Или в апреле...

— В апреле здесь хамсины... — сказал он.

Уже ступив на эскалатор, она помахала своей растрепанной, как болонка, шапкой и что-то проговорила.

— Что?! Н-не слышу!

— Дама с собачкой!..

Ее увлакивал эскалатор — рука с шапкой, полы дубленки, сапожки...

Вознеслась...

Он взял в баре чашку кофе и плитку шоколада и, как бывало в юности, после шальной и пьяной ночи, тут же ее жадно съел. Заказал еще сто граммов коньяку и, совершенно счастливый, сидел минут сорок на высоком неудобном стуле, пока его не потеснила очередь. «Как молодой...» — подумал он.

Поднялся и вышел.

Навстречу ему переходили дорогу три армянских священника под большим зонтом. Тот, что был посередине, коротенький и толстый, перешагивал через лужу, придерживая полу сутаны движением женщины, приподнимающей подол платья.

И всю дорогу до Хайфы, и позже, когда, оттягивая возвращение домой, сделал пешком колоссальный крюк, чтобы постоять над заливом, над кранами и мачтами в порту, — он пытался хотя бы мысленно собрать и отладить свою жизнь, взорванную и разнесенную в клочья тремя этими днями в поднебесном номере «Холидей-Инн».

И пока плелся к дому, поднимался по лестнице, открывал ключом дверь, все думал: что делать, что делать и как прожить хотя бы этот, первый вечер?..

В квартире было темно, только на кухне горел торшер зеленоватым подводным светом, пахло его любимыми творожниками, лилась вода и звякала посуда.

Он хлопнул дверью, чтобы как-то обозначить свое появление.

— Ну, наконец-то! Ты слышал, какой ужас? — крикнула из кухни жена. — Только что передали: над Черным морем взорвался самолет «Тель-Авив — Новосибирск». Еще не знают причину — теракт или авария... Как представишь этих несчастных... их семьи... Костя, а разве наши могли прошляпить террориста?

Перед его глазами поплыл огненный шар их коротенькой высотной жизни, легко взмыл, завис в области слепящего света и — вспыхнул над морем...

Она выглянула из кухни во тьму комнаты, где муж по-прежнему стоял, почему-то не зажигая лампы, и сказала:

— Ну, если ты еще не переоделся, так вынеси мусор.